

— Маленький брат, ну ты и бессовестный! Ещё и замаскировался, решил над нами поиздеваться?

Спустя долгое время Толстяк наконец пришёл в себя и с некоторой обидой произнёс.

Чжан Цилин ничего не ответил, лишь слегка похлопал его по плечу и помог вытащить из спины все торчавшие стрелы.

У Се подошёл поближе, взглянул и тут же с облегчением выдохнул: эти стрелы действительно оказались непростыми, на спине осталась лишь едва заметная ровная красная полоса.

Обернувшись с чувством лёгкой жалости, он увидел, что Ли Цу сидит опустив голову, так что выражения его лица разглядеть было невозможно.

— Ли Цу, сними одежду, я обработаю тебе рану.

С этими словами он уже потянулся, чтобы расстегнуть одежду Ли Цу.

Услышав это, Ли Цу вздрогнул всем телом и инстинктивно оттолкнул руку У Се. Заметив удивлённое выражение на лице У Се, он замер с протянутой в воздухе рукой, но в конце концов молча опустил её и с напускной холодностью бросил:

— Не нужно. Ты же и сам видел, ничего страшного.

У Се потряс отбитой рукой, чувствуя неприятное жжение, и в глубине души почувствовал раздражение. Заметив, что Ли Цу уворачивается, он, уже не заботясь о том, оттолкнет ли тот его снова, крепко схватил его за слегка холодные пальцы.

— Разве ты можешь сравниться с Толстяком? У него шкура толстая, а ты? Не упрямясь, давай быстрее.

Толстяк выразительно закатил глаза, но всё же согласно кивнул. Он-то отлично видел: Ли Цу стоял гораздо ближе к пусковой установке, а учитывая его нежную кожу, пострадал он наверняка сильнее.

К тому же, ему показалось, будто он заметил капли крови на стреле, которую Ли Цу попытался спрятать за спиной. Судя по тому, как быстро тот попытался всё скрыть, он явно не хотел, чтобы У Се это увидел.

Э?

Ван Панцзы озадаченно склонил голову набок, переводя взгляд с одного на другого.

С чего это у меня такие мысли?

Как-то всё это сентиментально...

Не успели они до конца разобраться в ситуации, как Чжан Цилин уже подошёл с баночкой мази и встал за спиной Ли Цу.

— Всё, снимай, я намажу тебя лекарством.

Тон его прозвучал на удивление мягко.

У Се озадаченно моргнул, переводя взгляд с Ли Цу на Молчаливого Бутыля. Подавив странное предчувствие в глубине души, он снова уставился на Ли Цу с жгучим любопытством.

Поняв, что сопротивляться бесполезно, Ли Цу перестал упираться, послушно снял гидрокостюм и обнажил покрытую шрамами спину.

На ней отпечатались едва ли не половина всех перенесённых Ли Цу тягот и лишений.

Когда это зрелище предстало перед их глазами, Ли Цу услышал позади себя полный изумления вздох. Он опустил голову, с горьким чувством прячась в тени.

На гладкой некогда коже спины зловеще извивался целый лабиринт шрамов, напоминавший чудовищную, перекрученную тёмно-красную змею.

Края рубцов были неровными, словно грубо разорванная ткань; кое-где они слегка выступали над поверхностью, где-то глубина была разной, источая пугающую, шокирующую воображение ауру.

Протягиваясь от лопаток до самых бёдер, этот шрам полностью испортил некогда молодую и гладкую кожу на спине Ли Цу. Окружающие ткани из-за него казались неестественно натянутыми, и в отсветах тусклого света шрам выделялся ещё резче и пугающе, так что на него было больно смотреть.

А теперь эта жуткая рана снова обогрилась свежей алой кровью, словно предвещая нечто дурное...

— О небеса! Да ты...

Заметив, что оба стоят без движения, Ван Панцзы, до этого морщившийся от боли и прижимавший руку к спине, с любопытством подошёл ближе. Увиденное буквально лишило его дар речи, и он уже было хотел вскрикнуть, но, перехватив выражение лица Ли Цу, тут же захлопнул рот.

Этого паренька ведь явно жестоко истязали!

Глядя на нескрываемый обиженный взгляд Ли Цу, Ван Панцзы гневно подумал:

Какой ублюдок посмел издеваться над ребёнком? Попадётся мне этот гад — прибить на месте!

У Се с полными ужаса глазами смотрел на безобразные рубцы на спине Ли Цу, его зрачки резко сузились. Такие раны могли оставить только в том случае, если кожу живому человеку вспарывали ножом.

И к тому же...

Не удержавшись, он протянул руку и осторожно коснулся кожи. Под пальцами ощущался неровный рельеф, отчего в груди нарастала невыносимая тошнота, смешанная с яростью — яростью по отношению к тому, кто это сотворил.

— Больно? — с жалостью спросил У Се, заставив Ли Цу на мгновение растерянно замереть.

Больно ли?

Ещё бы, конечно больно!

Но У Се никогда прежде об этом не спрашивал...

Словно онемев, Ли Цу покачал головой, до боли прикусив губу, чтобы сдержать рвущиеся наружу эмоции.

Пусть то происшествие уже позади, и У Се оттолкнул его, по ночам в кошмарах боль в спине не утихала.

И пусть люди в криминальных кругах считают его бессердечным и безнравственным — плевать, ему просто было обидно...

Обидно оттого, что У Се ни разу не спросил, больно ли ему...

А ведь тогда ему было всего семнадцать лет.

Заметив, что тот не желает говорить, остальные больше не стали расспрашивать. Атмосфера вокруг заметно потяжелела.

Чжан Цилин молчал. Он заметил покрасневшие глаза Ли Цу, и движения его пальцев стали совсем лёгкими и осторожными — совсем не так, как когда он вытаскивал стрелу у Ван Панцзы.

— Готово.

Закончив наносить мазь, Ли Цу торопливо натянул одежду. Ему по-прежнему претила подобная излишняя сентиментальность, из-за которой он чувствовал себя каким-то редким животным на грани вымирания.

У Се приоткрыл рот, но в конце концов ничего больше не сказал — сердце в груди сжало так, будто его нащупали мёртвой хваткой.

Даже слепому было очевидно, насколько сильно Ли Цу привязан к человеку, который его изувечил. Это осознание заставило У Се почувствовать горькую утрату.

Ван Панцзы поднял с пола разбросанные стрелы и произвел:

— Впервые в гробнице вижу такие стрелы. Неужели этот хозяин склепа при жизни был великим благодетелем и решил нас помиловать?

Ли Цу посмотрел на стрелу в своей руке: хотя в душе оставались вопросы, объяснить происходящее он не мог. Он заметил это ещё тогда, когда его только ранило: эта лотосовая стрела вовсе не была рассчитана на то, чтобы отнимать жизни. Просто он стоял слишком близко, вот её и вогнало на пару сантиметров глубже.

Чжан Цилин окинул взглядом усеянный стрелами пол и произвел:

— Тот пинок А Нин нанесла нарочно. Похоже, она не только уверена в собственных силах, но и твёрдо вознамерилась прикончить всех нас разом.

При мыслях об А Нин, которую он же сам и подставил, уголки губ Ли Цу тронула самодовольная ухмылка — судя по всему, настроение у него сейчас было отменное.

Чжан Цилин украдкой покосился на него и, заметив этот нагловатый вид, сдержал едва заметную улыбку в глубине глаз.

— Ладно, хватит болтать. Нельзя позволить этой бабёнке забрать все сокровища себе. Пойдём спрячем снаряжение для дайвинга, я не верю, что она способна задержать дыхание на всю

дорогу наверх.

Хотя выходка Ли Цу стала маленькой мстью заносчивой А Нин, это ничуть не уняло обиду в душе Ван Панцзы.

Ещё бы! Толстяка чуть не превратили в решето, а он ещё даже не женат!

С этими словами он зашагал обратно, и остальные трое, переглянувшись, последовали за ним.

На этот раз впереди шёл У Се.

Ли Цу столько раз спасал его жизнь, но ведь сам он по сути всё ещё юнец, да и эта сцена со шрамами...

Он тоже хотел защищать Ли Цу, пусть даже был слаб.

Стоило им выйти наружу, как все четверо замерли в полном оцепенении.

— Черт, а где вещи?

Где моё снаряжение для дайвинга?!

Куда делись такие огромные комплекты снаряжения?!

Оставленные на земле вещи бесследно исчезли, не осталось даже следов сырости — словно здесь побывали призраки.

Они обошли всё вокруг несколько раз, но так ничего и не нашли.

Ли Цу долго вглядывался в погребальную камеру, чувствуя, что что-то здесь не так, но никак не мог понять, в чём дело.

Пока тишину не прервал полный ярости голос Ван Панцзы:

— Чёрт! Да это вовсе не то место, куда мы вошли!

<http://bllate.org/book/19986/1970170>